

Содержание № 145 [3'2017]

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

- 7 *Настя Денисова.* Та остается

- 10 *Олег Юрьев.* Петербургские кладбища

ПЕРФОРМАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

- 14 *Михаил Шиянов.* От составителя

- 16 *Ирина Сироткина.* «How can we know the dancer from the dance?»: Антропология движения и танца

- 31 *Екатерина Крылова.* Парадокс «Gelitin»: Радикальный панк-перформанс как прививка от альтернативы

- 48 *Варвара Склез.* Неполнота архива и документальность опыта: Стратегии описания практик Ежи Гротовского

СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ И ИДЕОЛОГИИ: ЛИТЕРАТУРА, ПЕРИОДИКА, ДРАМА

- 61** *Илья Кукулин.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции
- 86** *Виолетта Гудкова.* Инерция страха и попытки прорыва: Второй съезд советских писателей
- 106** *Татьяна Шишкова.* «Представляя советских людей малокультурными»: история постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» в контексте антисоветской кампании в западной прессе
- 120** *Евгений Пономарев.* Литература в советской школе как идеология повседневности

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА: ОТ «КРУЖКА УГОДНИКОВ» К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОРПОРАЦИИ

- 139** *Вера Мильчина.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья»
- 158** *Екатерина Лямина, Наталья Самовер.* Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России

IN MEMORIAM:

Леонид Михайлович Баткин

(29.06.1932, Харьков — 29.11.2016, Москва)

- 180** *Николай Копосов.* О Леониде Михайловиче Баткине
- 195** *М.И. Свидерская.* О Леониде Михайловиче Баткине
- 201** *В.С. Кржевов.* О Л.М. Баткине
- 206** *М.А. Бойцов.* Блистательный маргинал
- 210** *Андрей Доронин.* Леонид Михайлович Баткин. In Memoriam
- 213** *Александр Горфункель, Роза Коваль.* «Жить — значит непрерывно поражаться»
- 216** *А.В. Ахутин, И.Е. Берлянд.* Л. Баткин. Гуманист XX века
- 222** *Г.А. Явлinsky.* «Он считал, что поддерживать Путина совершенно невозможно»: Интервью о Л.М. Баткине (*фрагменты*) (интервью взято Николаем Поселягиным)

224

*Владимир Рыжковский. Интервью с Л.М. Баткиным
(фрагменты)*

229

*Основные научные труды Леонида Михайловича Баткина
(составитель Елена Шумилова)*

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ПОЭЗИЯ

241

Марк Липовецкий. Между Приговым и ЛЕФом: перформативная поэтика Романа Осминкина

263

Роман Осминкин. «Мнимый Осминкин» (перформативные установки современной социально-сетевой поэзии)

278

Кевин М.Ф. Платт. Пожар в голове: Павел Арсеньев, эстетическая автономия и «Лаборатория поэтического акционизма» (авториз. пер. с англ. А. Скидана)

КНИГА КАК СОБЫТИЕ

Александра Петрова. Аппендикс: Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 832 с.

292

Алексей Порвин. Перерастая Эдипа

297

Ольга Балла. Чтобы вылечить пространство и время

304

Алексей Конаков. Стратегии возвышенного буквализма

309

Станислав Снытко. Разорванная правда

317

Максим Кронгауз. Ересь неслыханной простоты

323

Джулиано Вивальди. Воссоздавая множество на сумеречных берегах: между Тибром и Невой (пер. с англ. А.С.)

ХРОНИКА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

330

Полина Баркова. Изнанка земли (Рец. на кн.: Булатовский И. Смерть смотреть: Книга стихов. Ozolnieki, 2016)

335

Алла Горбунова. Полевой командир цветов (Рец. на кн.: Григорьев Д. Птичья псалтырь. СПб., 2016)

340

Александр Уланов. Схемы немыслимых действий тел (Рец. на кн.: Суслова Е. Животное. Нижний Новгород, 2016)

БИБЛИОГРАФИЯ

344

В.А. Кошелев. Вокруг пушкинского домика (Рец. на кн.: Тимошенко Д.А. «...От судеб защиты нет»: Михайловское

тийных чиновников вынудила его оставить активное преподавание, как ему не позволяли руководить аспирантами и потому нет прямых учеников, не сложилась школа. Занимаясь историей культуры Ренессанса и справедливо считаясь крупнейшим специалистом в этой области, он смог поехать в Италию только с началом перестройки. Его прекрасные книги и статьи издавались с большим трудом, и лишь когда искусственные барьеры были сняты, к нам пришли его Леонардо, Петрарка, Макьявелли, его гуманисты — увиденные и объясненные каждый в своей уникальной своеобычности и вместе с тем предстающие созданиями того типа культуры, средоточием которого Л.М. считал доминанту личностного начала, обретаемого в постоянном борении и напряженном поиске.

И, наконец, последнее. В позапрошлом году началось (наконец-то!) издание собрания избранных трудов Л.М. — при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве. Задумано оно в шести томах, прекрасное предисловие для него написал А.Л. Дорохотов. Л.М. очень много сил и времени потратил на его подготовку, и когда в издательстве «Новый хронограф» вышли первые два тома [Баткин 2015а; 2015б] (очень хорошо оформленные, но, увы, тиражом всего 700 экземпляров), он был просто счастлив. Третий том [Баткин 2016] Л.М., к общей печальной радости его друзей, тоже увидел — в самые последние дни, в больнице, — коснулся рукой, улыбнулся, — презентация прошла уже после его кончины. Выпуск оставшихся томов — даже и таким мизерным тиражом — пока под вопросом: нет денег. Я уверен, что лучшим способом отдать должное памяти Л.М. было бы завершение этого издания. Это важно для всех нас, и особенно — для новых поколений, которым, надо полагать, предстоит выдержать немалые испытания. Ведь книги Л.М. очень нужны людям, они помогают размышлять и действовать в сознании своей сопричастности культурному наследию человечества, живущего в потоке всемирной истории.

М.А. Бойцов

Блистательный маргинал

Mikhail Boytsov

The Brilliant Outsider

Во введении к итоговому собранию сочинений Л.М. Баткин вспоминает, как в советскую пору «стал маргиналом». И тут же добавляет: «В несравненно меньшей степени, но до сих пор остаюсь им» [Баткин 2015а: 32]. Надо понимать так, что слова о «несравненно меньшей степени» относятся к «социальной» стороне жизни ученого — прежде всего к внешним проявлениям признания и почтения со стороны коллег и академического начальства. Понятно, что таких проявлений после кончины советской власти стало «несравненно» больше, чем при ней. А вот «до сих пор остаюсь им» — это скорее про собственные идеи, концепции и методы: широкого распространения они все же так и не получили, школы верных последователей не возникло и даже эпигоны не размножились.

После первой книги — о Данте [Баткин 1965] — Баткин шаг за шагом расширял пространство своей личной интеллектуальной свободы, легко (на внешний взгляд, разумеется) преодолевая не одни лишь сиюминутные идеологические догмы, но и куда более солидные и уважаемые академические традиции обращения со знанием, претендующим на статус научного. Стремление к творческой свободе, по Баткину, — главный вектор становления «индивидуальности», «личности». Он не только стремился к такой свободе, но и в полной мере отвоевал ее для себя: его исследовательский почерк не спутаешь ни с чьим иным. Вместе с тем почерк этот настолько *индивидуален*, являясь эманацией «вот именно этой личности и никакой иной», что вряд ли кто-либо наберется смелости пуститься в странствия теми же прихотливыми путями, которыми шел (а порой и летал) автор. И там, где мысль Баткина выражена просто и прозрачно, и там, где он переходит на собственный, со временем отточившийся и выверенный, понятийный (или скорее намеренно антипонятийный) язык, вряд ли внятный случайному читателю, он прежде всего «наедине с собой», а лишь во вторую очередь — в диалоге со своими героями: Петраркой, Леонардо или Аretино. Автор настаивает на том, что создаваемая им ситуация диалога позволяет лучше понять «стиль жизни и стиль мышления» того или иного итальянского гуманиста и особенности ренессансной культуры в целом, но мы догадываемся, что здесь никак не меньше вопросов, обращенных к самому себе, и, разыскивая на них ответы, автор на наших глазах продолжает лепить собственную личность — примерно так же, как ренессансный мастер работает всю жизнь над художественным шедевром, чтобы в конце концов так и не успеть его закончить.

На свете еще встречаются коллеги, уверенные, что историческое знание должно быть «объективным», а настоящему историку следует по возможности вытравить из себя накапливающуюся с годами досадную «субъективность», в чем как раз якобы и состоит необходимая предпосылка любого исторического исследования. Парадигма Баткина была в корне противоположной: он втягивал всю свою «субъективность», со всеми *именно ее* индивидуальными чертами, в исследование, получая в результате, конечно же, не менее «субъективное» видение текстов, людей и человеческих отношений в прошлом. Однако в итоге его «субъективные интерпретации», во-первых, оказывались никак не «субъективнее» трудов тех, кто (заведомо тщетно) боролся за «объективность» своего знания, а во-вторых, обычно были куда увлекательнее и открывали существенно больше нового современному читателю. «Субъективность» историка — отнюдь не обязательно препятствие в его поисках «объективных» сведений о прошлом (для простоты вновь воспользуемся сей в корне устаревшей дилеммой). Скорее наоборот, — и не случайно великие исторические труды создавались не просто хорошими профессионалами, а яркими личностями — в том самом смысле слова, что был так дорог Баткину. Сам он, впрочем, менее всего настаивал бы на принципиальном «субъективизме» своих реконструкций. Напротив, он всячески подчеркивал, что ищет способы выяснить, «как оно было на самом деле» (например, в голове Петрарки, сочинявшего свои эпистолы), и даже более того: вслушиваясь в прошлое, он — всецело в русле традиций отечественного историописания — силился расслышать в нем поступь некоторых общих закономерностей, перетасовывающих исторические эпохи.

О Баткине уже писали как об историке, литературоведе и культурологе. Но Баткин-философ еще ждет своего изучения. Между тем его культурологичес-

кие труды (как, кстати, и политические выступления) были частными выражениями его — и сложного, и целостного одновременно — мировоззрения. Вероятно, будущие исследователи философии Баткина выявят, что центральное место в ней занимала этика. Ведь именно с этическими вопросами в конечном счете обращался он и к своим любимым партнерам по диалогам — итальянским гуманистам, и к самому себе как пытливому ведущему таких диалогов, и вообще к новоевропейской «личности». Когда спрашивают, что общего между Баткиным — академическим исследователем, историком далекого Ренессанса — и Баткиным — политиком и публицистом, откликавшимся в прессе и по радио на всякую злобу дня, ответ представляется очевидным. Обе столь разные публичные стороны его личности являлись последовательным выражением одной и той же четкой этической позиции, одних и тех же ясных (и вполне гуманистических — во всех смыслах этого слова) представлений «о достоинстве человека». Наличие такого стержня и позволяло Баткину бесстрашно развивать собственную мысль независимо от того, какие мнения в данный момент общеприняты — что в науке, что в политике. Помню, каким диссонансом весной 1991 года прозвучала в какой-то газете его скептическая статья «За Ельцина, но с открытыми глазами». А ведь тогда вся демократическая общественность (да и не только она) чуть ли не молилась на председателя Верховного Совета РСФСР как на титана, собирающегося голыми руками задушить советско-партийного Левиафана. Да и при следующей — почти единодушной — вспышке интеллигентской эйфории по поводу одного новогоднего подарка судьбы Баткин был в числе тех совсем немногих (по пальцам сосчитать), кто сохранил трезвость ума и способность предвидеть, куда все скоро повернется.

Забавно, но и упреки от коллег, звучавшие в адрес Баткина за его спиной, были, как правило, не профессионального свойства, а этического. Бурная научная дискуссия с его участием разгорелась вроде бы лишь однажды: знаменитый спор с Ароном Гуревичем о наличии или отсутствии личности в Средневековые [Андреев 2015]. В остальном мало кто осмеливался возражать Баткину что в печати, что на конференциях, — да и не мудрено: он не только мастерски владел пером, но и в устной дискуссии мгновенно находил убийственные аргументы. Поскольку на открытую полемику решиться было трудно, коллеги-недоброжелатели предпочитали в частных разговорах туманно намекать на некие моральные несовершенства, якобы свойственные Баткину (как и еще двум его коллегам и соратникам — уже упоминавшемуся Гуревичу и Юрию Бессмертному). Изъяны эти описывались весьма неопределенно, намеками, но суть их сводилась в конечном счете к тому, что объект критики вызывающее противопоставляет себя здоровому научному сообществу. Он зазнается, он рисуется, он считает себя не таким, как мы все, он бьется исключительно за собственную популярность, вместо того чтобы смиренно трудиться на благо науки. На нынешнем новоязье произнесли бы, наверное, столь же глубокомысленную, сколь и бессодержательную формулу: «занимается самопиаром». Такая стратегия маргинализации яркой личности универсальна — притом не только в институтской среде: в политике, как мы видим, ее применяют едва ли не ежедневно. Думаю, что Баткин знал цену и себе, и своим тихим критикам-моралистам (разумеется, во всех отношениях безукоризненным). Но оправдывать его за приписывавшиеся ему грехи сегодня было бы смешно: время уже расставило всех по своим местам, и то, что Баткин прожил свою жизнь в науке предельно честно, сейчас вряд ли оспорят даже его бывшие завистники.

Парадоксальным образом «маргинал» Баткин почти наверняка окажется для грядущих исследователей одной из центральных фигур российской гуманитаристики позднесоветского и раннего постсоветского периодов. В своих текстах он слишком ярок, оригинален и вместе с тем откровенен, чтобы они не привлекли к себе внимания любого, кто всерьез заинтересуется атмосферой десятилетий, в которые он активно работал. Тогда-то ренессансные гуманисты и поведают на свой лад многое о временах не менее драматичных, чем их собственные, но отстоящих от них примерно лет на пятьсот. Разумеется, Баткин никогда не предстанет в качестве «типичного» позднесоветского и перестроечного историка, но он имеет все шансы оказаться в числе «наиболее характерных», выразивших лучше других настроения и интеллектуальные заботы своего времени. Как ни странно, в числе «типичных» он однажды уже побывал — при несколько гротескных обстоятельствах, заслуживающих небольшого отступления.

Напомню читателю, что по-настоящему знаменитым Баткин стал после выхода в 1978 году в популярной серии издательства «Наука» книжечки «Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления» [Баткин 1978а]. При тираже 37 500 экземпляров (и цене 80 копеек) обзавестись ею было крайне трудно. С каким удовольствием говорили о тех или иных главах из нее и как хотели узнать побольше о несомненно очень талантливом, но пока еще мало ком виденном авторе! Обсуждения эти еще были в самом разгаре, и все с нетерпением ждали следующих публикаций Баткина, как вдруг поползли упорные слухи, будто само имя его стало властям нелюбезно. («Ну вот, повторяется история с Гуревичем... Стоит только выпустить яркую книгу по истории, как автор тотчас оказывается в опале!» — сетовали на кухнях.) Позже стала известна и причина: оказывается, он отдал статью в диссидентский альманах «Метрополь», вышедший в 1979 году сначала в самиздате, а потом и в «тамиздате» [Баткин 1979]. Поскольку альманах с самого начала замышлялся как серьезный удар по цензуре, начальство решило не спускать такой дерзости, а приструнить не одних лишь застrelьщиков, но и всех смутьянов. В результате Баткин оказался «невыездным» и «непечатным» спустя всего год после триумфа его «Итальянских гуманистов». Соответственно, на появление в ближайшее время новых его книг рассчитывать уже не приходилось. Для автора же этих строк обстоятельства тогда сложились, напротив, настолько благоприятно, что осенью 1982 года он оказался на учебе в братской социалистической ГДР. Но что он мог ожидать увидеть в витрине книжного магазинчика «Новый путь» на улице Клемента Готвальда в городе Галле на реке Заале? Уж во всяком случае, не книгу создателя «Итальянских гуманистов»! Между тем там красовался пухленький томик автора по имени Leonid M. Batkin с весьма многообещающим названием, которое можно перевести как «Историческая целостность итальянского Ренессанса: Попытка характеристики культурного типа» [Batkin 1979]. Ясное дело, что цена в 6 восточногерманских марок и 80 пфеннигов за такую неожиданную находку не показалась разорительной даже безденежному студенту. На задней стороне обложки оказалась фотография автора. Она несколько разочаровывала, ведь облик сочинителя книги про «стиль жизни и стиль мышления» должен был бы словно сойти с полотен Боттичелли...

Однако самую большую неожиданность содержала первая же фраза аннотации под фотографией: «В этом исследовании весьма убедительно с марксистской точки зрения рассматривается культура Ренессанса, причем по структуре, методу и способу рассмотрения оно выдержано всецело в традициях советской

исторической науки». Вот так отлученный за диссидентство маргинал вдруг предстал благополучным ортодоксом, у которого следовало учиться неопытным марксистским историкам в ГДР! Вообще-то восточногерманские идеологи славились стремлением оказаться святым папы римского (т.е. ЦК КПСС). Каким образом Баткин стал для них образцовым советским марксистом, остается загадкой. Возможно, сыграла роль память о книге про Данте, в которой было еще много «правильного». Или же дрезденское издательство решило подстраховаться, печатая (все в том же, 1979 году, когда осуждали «Метрополь») по лицензии Министерства культуры ГДР перевод книги интересного, хотя и неизвестного в германских краях автора. Наверное, там просто не успели связать имя специалиста по Ренессансу с политическим скандалом в Москве, — иначе книга бы не появилась. Труднее всего допустить, будто сочинитель аннотации сознательно глумился над неосведомленной цензурой и партийным начальством, но это было бы самым эффектным объяснением казуса...

Баткин умел завораживать не только письменным, но и устным словом. Впервые я его увидел (не на фотографии, а живьем) на большой конференции по Ренессансу. Он не прочитал, а продекламировал двадцатиминутный доклад от первого до последнего слова, ни разу не заглянув в бумажку, не сделав ни единой лишней паузы, не запнувшись, — так, словно произносил стихи, хотя и в прозе. Нет, никаких голосовых модуляций, словно при чтении виршей, он не допускал, не говоря уже о какой бы то ни было иной артистической рисовке: слушателя впечатляли оригинальность мысли и совершенство словесной формы, в которой она выражалась. Ничего подобного на той конференции (как, впрочем, и на многих других) мне слышать не довелось. Впрочем, явно скептически настроенный председатель того заседания не растерялся. Подводя итоги сессии, он сказал, что мы прослушали немало глубоких и содержательных докладов, но были и такие, которые поразили нас прежде всего своим художественным совершенством. Маргиналу следовало напомнить, что он — маргинал.

Андрей Доронин

Леонид Михайлович Баткин. In memoriam

Andrej Doronin

Leonid Batkin. In Memoriam

29 ноября 2016 года в 4.00 утра Леонида Михайловича не стало. Его уход отзывается болью в моем сердце.

Не думаю, что читателям «НЛО» стоит объяснять, кто такой Л.М. Баткин. Его лучшие, принесшие ему мировую известность и переведенные на Западе ра-

Наши авторы

Анатолий Ахутин

(независимый исследователь; Киев) akhutin@gmail.com;

Ирина Берлянд

(независимый исследователь; Киев) iberlyand@gmail.com;

Михаил Бойцов

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ординарный профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук; заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований; МГУ; профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета; доктор исторических наук) mboytsov@hse.ru;

Александр Горфункель

(Гарвардский университет; научный сотрудник Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса; доктор философских наук; кандидат исторических наук);

Виолетта Гудкова

(Государственный институт искусствознания; ведущий научный сотрудник отдела театра; доктор искусствоведения) violetta2049@yandex.ru;

Андрей Доронин

(Германский исторический институт в Москве; научный сотрудник; кандидат исторических наук) andrej.dorinin@dhi-moskau.org;

Роза Коваль

(независимый исследователь; Бостон) rozakoval@yahoo.com;

Николай Копосов

(Университет Эмори; приглашенный профессор кафедры российских и восточноазиатских языков и культур Колледжа наук и искусств Эмори; доктор философских наук) nikolay.koposov@emory.edu;

Кирилл Корчагин

(ИРИЯ РАН; научный сотрудник; «НЛО»; редактор; кандидат филологических наук) stivendedal@gmail.com;

Владимир Кржевов

(МГУ; доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета; кандидат философских наук) krjevov@mail.ru;

Екатерина Крылова

(Российский государственный гуманитарный университет; факультет истории искусства; выпускник-специалист) ekaterina.krylova@gmail.com;

Илья Кукулин

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доцент Школы культурологии; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС); старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) Института общественных наук; кандидат филологических наук) ikukulin@hse.ru;

Марк Липовецкий

(Университет Колорадо в Болдере, США; профессор; доктор филологических наук) leiderma@colorado.edu;

Екатерина Лямина

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук) eliamina@hse.ru;

Вера Мильчина

(РГГУ; ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований (ИВГИ); РАНХиГС; ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) Института общественных наук; кандидат филологических наук) vmilchina@gmail.com;

Роман Осминкин

(поэт, арт-критик, перформер; Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург; аспирант) osminkin@gmail.com;

Кевин М.Ф. Пллатт

(Университет Пенсильвании, Филадельфия, США; профессор; заведующий Программой по сравнительной литературе и литературной теории; PhD) kmfplatt@sas.upenn.edu;

Евгений Р. Пономарев

(Санкт-Петербургский государственный институт культуры; доцент; доктор филологических наук) erponomarev@mail.ru;